

На правах рукописи

Соловьёва Яна Юрьевна

**Народная проза о детях, отданных нечистой силе
(сюжетный состав и жанровые реализации)**

Специальность 10.01.09. - фольклористика

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва, 2011

Работа выполнена на кафедре русского устного народного творчества филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Научный руководитель — кандидат филологических наук, доцент
Иванова Анна Александровна

Официальные оппоненты — доктор филологических наук, профессор
Золотова Татьяна Аркадьевна
Марийский государственный университет

кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Котельникова Наталия Евгеньевна
Государственный республиканский центр
русского фольклора

Ведущая организация — Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
г. Москвы «Московский городской
педагогический университет»

Защита состоится «__» _____ 2011 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета Д501.001.26 при Московском государственном университете по адресу: 119991 г. Москва, Ленинские горы, МГУ, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского государственного университета.

Автореферат разослан «__» _____ 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

А.Б. Криницын

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования

Сравнительное изучение сказочной и мифологической прозы в отечественной фольклористике имеет давнюю историю. В ней явно выделяются два периода, которые с некоторой долей условности можно обозначить как «генетический» и «поэтический». На первом этапе (середина XIX – начало XX вв.) научные интересы исследователей были сосредоточены на реконструкции стадий формирования и развития сказки; мифологические рассказы рассматривались преимущественно как один из надежных источников, позволяющих восстановить систему представлений и верований, отразившихся в сказочных протоформах. Второй этап (последняя треть XX – начало XXI вв.) связан с изменением отношения исследователей к мифологической прозе. Наделение ее фольклорным статусом имело ряд последствий для научного дискурса: пересмотр структуры жанровой системы фольклора, появление нового термина в фольклористическом тезаурусе¹, а главное – сдвиг научных интересов в сторону выявления поэтических особенностей мифологических нарративов. Генетические связи не могли не спровоцировать появление работ, в которых описание жанровой онтологии былички базировалось на ее сравнении со сказкой (Э.В. Померанцева, И.А. Разумова и др.)². При этом они рассматривались как параллельно существующие жанровые формы, в результате взаимодействия которых в живой традиции регулярно порождаются тексты симбиотического типа, совмещающие дифференциальные признаки обоих жанров, однако исследования причин систематического появления подобных текстов не проводилось.

Настоящая работа носит сравнительный характер, однако в сфере наших научных интересов оказываются не только основные и переходные текстопорождающие модели, но и процесс жанровых «перевоплощений» одной и той же темы / сюжета / мотива, а также факторы, определяющие его. Современные

¹ «Слово "быличка" было подслушано братьями Б. и Ю. Соколовыми у белозерских крестьян <...> и с их легкой руки вошло в практику фольклористов» [Померанцева 1975, 13].

² Померанцева Э.В. Судьбы русской сказки. М.: Наука, 1965; Она же. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975; Она же. Русская устная проза. М.: Наука, 1985; Разумова И.А. Сказка и быличка (мифологический персонаж в системе жанра). Петрозаводск, 1993.

исследования в области изучения прагматики фольклора³ убедительно показывают, что важную роль в формировании содержательных и поэтических параметров текста играет контекст исполнения, поэтому изучение и описание коммуникативных ситуаций⁴, типичных для актуализации мифологической и сказочной прозы, может прояснить вопрос о причинах и векторах их взаимодействия.

Оптимальным подходом для межжанрового исследования в означенном ракурсе представляется кросс-жанровый анализ текстов одной тематической группы, неоднократно с успехом апробированный на материале устной народной прозы (работы И.Н. Райковой, Н.Е. Котельниковой, Н.К. Козловой, И.С. Брилевой, И.А. Бессонова⁵). Выбор темы «Вручение ребенка во власть нечистой силы» был продиктован тем, что она широко представлена в устной вербальной культуре, ритуальных практиках, системе верований, обладает значительным сюжетно- и жанровопорождающим потенциалом и является актуальной для современных исполнителей (что позволило провести ряд полевых экспериментов по выявлению роли разнообразных контекстов в процессе текстообразования).

Объектом исследования являются фольклорные тексты одной тематической группы, представленные в различных жанровых форматах (быличка, поверье, волшебная сказка), а также устные высказывания об их бытовании (в архивных

³ Толстая С.М. К прагматической интерпретации обряда и обрядового фольклора // Образ мира в слове и ритуале: Балканские чтения-1. Вып.1. М., 1992. С. 11-16; Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. СПб.: Изд-во СПбГУ, Амфора, 2004; Левкиевская Е.Е. Прагматика мифологического текста // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. Вып 10. М.: Индрик, 2006. С. 150-213; Она же. Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика. Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2007 и др.

⁴ «...можно назвать группу отдельных факторов, таких, как число участников коммуникации, их социальные и коммуникативные характеристики, отношения между ними, пространство, в котором коммуникация осуществляется, расположение отдельных предметов в нем и их значение в процессе коммуникации, временные границы коммуникации и характеристика ее протекания... Назовем этот фрагмент реальной действительности коммуникативной ситуацией» (Korenský J., Jaklovà A., Müllerová O. Komplexní analýza komunikačního procesu a textu. České Budejovice, 1987. Цит. по: Левкиевская Е.Е. Прагматика мифологического текста // Славянский и балканский фольклор: Семантика и прагматика текста. Вып 10. М.: Индрик, 2006. С. 167.

⁵ Райкова И.Н. Русские предания, легенды, сказки, лубок и массовая литература о «справедливом» царе (традиционные сюжеты, мотивы, поэтика). Автореф. дисс... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1995; Котельникова Н.Е. Состав несказочной прозы о кладах и ее традиционная образность в жанрообразующем отношении. Автореф. дисс... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1996; Козлова Н.К. Восточнославянские былички о змее и змеях. Мифический любовник. Указатель сюжетов и тексты. Омск, 2000; Брилева И.С. Концепт греха в структуре фольклорного произведения (на материале малых форм и несказочных повествований). Дисс... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2007; Бессонов И.А. Русская эсхатологическая легенда: источники, сюжетный состав, поэтика. Дисс... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2010.

коллекциях они обычно обозначаются как «сведения о бытовании жанра»).

Предмет исследования – таксономическая шкала жанровых реализаций темы о детях, отданных родителями нечистой силе.

Цель исследования состоит в выявлении механизмов процесса текстообразования мифологических и сказочных нарративов, а также внутри- и внетекстовых факторов, обуславливающих их жанровую онтологию и взаимодействие.

Эта цель предполагает решение следующих задач:

- 1) описание представлений о детях, отданных нечистой силе, и связанных с ними мифоритуальных практик;
- 2) выявление сюжетного и мотивного состава сказочной и несказочной прозы данной тематической группы;
- 3) характеристика типичных ситуаций бытования жанров былички и волшебной сказки;
- 4) описание содержательных и поэтических параметров текста, проявляющихся в каждой из выделенных типичных ситуаций исполнения;
- 5) расположение выявленных внутрижанровых типов текста в виде таксономической шкалы, отражающей фазы жанровых трансформаций.

Методы исследования можно разделить на две группы – полевые и аналитические. Полевая методика сбора материала опиралась на формы включенного наблюдения, интервьюирования, опроса по специально разработанным вопросам; способы фиксации информации – аудио-, видео- и рукописные записи. На разных этапах работы для решения различных задач использовались следующие аналитические методы: описательный (при работе с конкретными сюжетами), структурно-семантический, структурно-типологический, функциональный (при рассмотрении композиции мифологических и сказочных нарративов), прагматический (при оценке влияния коммуникативной ситуации на текст), статистический (для выявления типичных и окказиональных вариантов и версий).

Методологические основания

Методологические основания работы формировались с опорой на классические и современные исследования по теории фольклора (А.Н. Веселовский, Б.Н. Путилов,

К.В. Чистов, С.Ю. Неклюдов, Т.Б. Дианова), сказке и несказочной прозе (А.И. Никифоров, В.Я. Пропп, Э.В. Померанцева, Е.М. Мелетинский, С.Н. Азбелев, К.В. Чистов, И.А. Разумова, С.Б. Адоньева, Е.Е. Левкиевская). Описание сюжетов несказочной прозы велось с позиции структурно-семантического и функционально-структурального подхода (А. Дандес, Б.П. Кербелите, П.Г. Богатырев). Принципы анализа текстов одной тематической группы представлены в упомянутых выше работах И.Н. Райковой, Н.Е. Котельниковой, Н.К. Козловой, И.С. Брилевой, И.А. Бессонова.

В области изучения прагматики особенно значимыми для нас оказались работы отечественных исследователей, адаптировавших методы прагматического анализа, разработанного американскими учеными (Дж. Остин, Дж. Серль), к фольклорному материалу (Е.С. Новик, С.М. Толстая, Л.Н. Виноградова, С.Б. Адоньева, Е.Е. Левкиевская).

Материал

Основной корпус текстов по мифологической прозе был собран нами во время экспедиций кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в Кировскую область (2002 – 2010 гг.). Помимо этого использовались материалы кафедрального архива в другие российские регионы (Архангельская, Калужская области), архива Академической гимназии при СПбГУ (Ленинградская, Вологодская, Псковская, Тверская, Новгородская области), личного архива А.А. Ивановой (Архангельская область), а также тексты, извлеченные из современных сборников, периодических изданий и интернета (см. Библиографию). По волшебной сказке подборка материала производилась из классических сборников XIX – первой половины XX вв. (см. Библиографию). Подобная хронологическая асимметрия источников формирования текстовой базы исследования объясняется непопулярностью жанра волшебной сказки в современной деревне и, как следствие, отсутствием в архивных коллекциях ее полноценных записей. Однако, поскольку большинство текстов, рассматриваемых в диссертации, едва ли простирается за пределы XX в., для настоящего исследования подобный временной «зазор» мы сочли не столь существенным.

Исследовательская гипотеза

В отечественной фольклористике существует традиция рассматривать сказочную и несказочную прозу как параллельно существующие, во многом противостоящие друг другу жанровые области, взаимодействие которых носит окказиональный характер. Однако при обращении к полевым материалам становится очевидным, что доля текстов с ярко выраженными жанрово-дифференциальными признаками оказывается значительно меньше ожидаемой, а зона межжанровой периферии, напротив, весьма обширной. Регулярность фиксации текстов, в разной степени совмещающих содержательные и поэтические признаки обоих жанров, не позволяет воспринимать их как случайные.

Исходной гипотезой стало предположение о том, что мифологическая и сказочная жанровые модели представляют собой совокупности некоторого числа внутрижанровых реализаций, сформировавшихся под влиянием разнообразных и одновременно типичных для них ситуаций исполнения. Поскольку в живой традиции быличка и сказка регулярно вступают во взаимодействие, их жанровые реализации могут быть представлены в виде таксономической шкалы, крайними полюсами которой будут «классические» модели мифологического и сказочного нарративов (именно они формируют ядро жанров). Между ними располагается разветвленная сеть переходных (*периферийных*) текстопорождающих моделей. Наличие такой сети – показатель не только пластичности жанров, но и их возможности реактуализироваться в традиции.

Научная новизна исследования

В результате примененного в работе подхода жанры былички и сказки предстали как структурно сложные и одновременно динамичные образования. Это дает основание предположить, что жанровое пространство русского фольклора имеет больше уровней системной организованности, нежели предполагалось ранее⁶.

Включение в текстовую базу исследования наряду с традиционными, устойчивыми нарративами и паремиями разнообразных «разовых» образований

⁶ *Кравцов Н.И.* Система жанров русского фольклора. М.: Наука, 1969; *Пропп В.Я.* Принципы классификации фольклорных жанров // *Он же.* Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. С. 34-45; *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994; *Левинтон Г.А.* Замечания о жанровом пространстве русского фольклора // *Судьбы традиционной культуры: Сб. ст. и материалов памяти Ларисы Ивлевой.* СПб., 1998. С. 56-71; *Дианова Т.Б.* Жанровое пространство фольклора: изменение научной парадигмы // *Первый всероссийский конгресс фольклористов. Сборник докладов.* Т. I. М.: ГРЦРФ, 2005. С. 372-384 и др.

(комментариев информантов, сведений о бытовании жанра и др.), позволило совместить в диссертации два подхода к описанию материала – этический и эмический, оценивающих фольклорную традицию с двух позиций: «внешней» (исследовательской) и «внутренней» (исполнительской). В конечном счете, это придало интерпретации и аналитике фольклорных текстов более объективный характер.

Теоретическая ценность

Несмотря на то, что наше исследование выполнено на ограниченном в жанровом и географическом отношении материале, методики, теоретические наработки и полученные результаты могут быть использованы при описании и изучении других жанровых форм и региональных традиций. Значимы также собранные автором полевые материалы, большинство из которых впервые вводится в научный оборот.

Практическая ценность

Результаты исследования могут быть использованы при подготовке соответствующих разделов по общему курсу фольклора, в рамках спецкурсов, а также для составления сюжетных указателей и полевых вопросников, при проведении полевых изысканий, архивации записей и подготовке их к публикации.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Мифологическая и сказочная жанровые модели представляют собой совокупность жанровых реализаций, которые могут быть представлены в виде таксономической шкалы, отражающей фазы их возможных взаимопереходов: неритуализованная быличка (беседная, дидактическая) -> ритуализованная быличка -> деритуализованная быличка (быличка-сказка) <- сказка-быличка <- «детская» волшебная сказка <- «взрослая» волшебная сказка.
2. Важнейшими факторами, влияющими на механизм процесса текстообразования, является коммуникативная ситуация, ее целевая установка (фатическая, эстетическая, дидактическая или магическая/ритуальная) и половозрастной состав участников.
3. В мифологическом нарративе смена коммуникативных условий и стратегий

в первую очередь влияет на структуру текста, в сказочном – на те его поэтические и содержательные параметры, которые квалифицируются исследователями как «сказочная обрядность», «сказочный канон».

Апробация работы

Работа обсуждалась на заседании кафедры русского устного народного творчества МГУ им. М.В. Ломоносова. Основные результаты диссертационного исследования были представлены в форме докладов на ежегодной международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (г. Москва, МГУ, 2007, 2008, 2009, 2010), на II Всероссийском конгрессе фольклористов (г. Москва, 2010) и на заседании методологического семинара по актуальным проблемам полевой фольклористики (г. Москва, МГУ, 2006).

По теме исследования опубликовано 5 статей, одна из которых – в рецензируемом научном журнале, входящем в перечень ВАК.

Структура работы

Структура диссертационного сочинения соответствует его целевым установкам. Оно состоит из введения, двух глав, имеющих «зеркальную» композицию, заключения, списка условных сокращений и библиографии.

Содержание работы

Во **Введении** определяется объект, предмет, материал и методологические принципы исследования, ставятся цели и задачи, обосновываются актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость работы, характеризуются исследовательский инструментарий и алгоритм описания и аналитики текстов, формулируются положения, выносимые на защиту.

В **первой** главе («**Мифологическая проза о детях, отданных нечистой силе**») на материале быличек о проклятых детях выявляются мифологические жанровые реализации, описываются их структурные и поэтические особенности.

Вручение ребенка нечистой силе представляет собой акт его переподчинения мифологическому персонажу, после чего родители на время или навсегда утрачивают возможность контроля за его дальнейшей судьбой. Поскольку в мифологической прозе эта тема регулярно пересекается с темой «Проклятие»⁷, в § 1.1. («**Структура**

⁷ Проклятия представляют собой словесные формулы, «содержащие пожелания бед и несчастий в адрес конкретного лица (группы лиц, народа, животных, природных объектов и стихий

темы «Проклятие» в устной сказочной прозе и ее жанровые реализации») рассматривается структура последней, а также народные представления, сформировавшие и постоянно актуализирующие ее в живой традиции.

В сказочной прозе тема «Проклятие» реализуется посредством следующих компонентов: действие (проклятие); субъект (проклинаящий); объект (проклинаяемый); истинный адресат (представитель сверхъестественного мира, которому вручается проклинаяемый); обстоятельства наложения проклятия. Различным их наполнением обусловлено жанровое разнообразие нарративов, ср.: быличка – «У нас одну женщину (**объект**) проклинали. Мать не родна ее (**субъект**): “Такая, сякая, понеси тебя лешак” (**проклятие**). Так сидела она на березе, и ее стали отмаливать с иконой, и лешак (**истинный адресат**) обратно принес» [АКФ 1990, Опар., т. 9, № 318]; легенда – «У нас вот больно хорошая церковь была здесь, нарушили ее. Я помню. Ой, как кричали, как плакали женщины, когда тут у нас один, Рязанов его фамилия была, небольшой такой мужичок (**объект**), никто не... колокол тогда надо было скидывать (**обстоятельства наложения проклятия**), и никто не соглашца, а он полез, он потом быстро, че-то случилось с ним, в общем. [Это потому что вот...] Да, тогда все (**субъект**) говорили: “Тебя Бог (**истинный адресат**) накажет (**проклятие**)”. Тогда помню, как он туда, а колоколо такое большое было, громадное, оттуда скидывали, с вышки» [АКФ 2007, Леб., т. 2, № 60]. Для нашего исследования актуальны случаи проклятия, когда в роли объекта выступает ребенок, субъекта – кровные и некровные родители (прежде всего, мать⁸), а в роли истинного адресата – представитель нечистого мира.

Налагаемое проклятие может быть умышленным и нечаянным⁹. В рассказах оно предстает либо как нарушение табу на «худую брань» (экспрессивные выражения с упоминанием мифологических персонажей – «чтоб тебя черти взяли», «понеси тебя леший» и т.п.), либо как отсутствие «благословения» (под последним <...> и т.д.)» (Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 томах / Ред. Н. Толстого. Т. 4 (П–С). М., 2009. С. 286).

⁸ Причины подобного восприятия основываются на традиционных представлениях о матери как о хранительнице родового закона и полноправной представительнице детей до достижения ими определенного возраста. Подробнее об этом см.: Федотов Г.П. Стихи духовные: Русская народная вера по духовным стихам / Вступ. ст. Н.И. Толстого; послесл. С.Е. Никитиной; Подготовка текста и коммент. А.Л. Топоркова. М.: Прогресс, Гнозис, 1991.

⁹ Подробнее об этом см.: Кагаров Е.Г. Греческие таблички с проклятиями. (Defixionum Tabellae). Харьков, 1918.

подразумеваются «христианские» слова и действия, направленные на обеспечение безопасности человека / животного / предмета; преднамеренный или непреднамеренный отказ от них приводит к последствиям, аналогичным проклятию: «У нас корова потерялась: мы ее **не благословясь** погнали. Еще **излешакаешься** иногда, так она потеряется» [АКФ 1990, Опар., т. 14, № 177]). Соответственно в составе сказочной прозы представлены две реализационные версии темы «Проклятие» – «неосторожное слово» и «лишение благословения». Полагаем, что первая является более ранней, поскольку соответствует мифологическому типу сознания (назовем ее *мифологической*), а вторая более поздней, появившейся, в результате усложнения картины мироздания за счет усвоения христианского вероучения (обозначим ее как *легендарную*). Рассказы о проклятии, наложенном в результате неосторожного слова, как правило, принимают форму мифологического нарратива. Рассказы, представляющие *легендарную* версию проклятия, оставаясь в жанровых рамках былички, наделены и некоторыми особенностями христианского нарратива.

В § 1.2. («*Повествовательная структура мифологических нарративов о родительском проклятии: кроссюжетный анализ*») рассказы о родительском проклятии рассматриваются как повествования о нарушении запрета, регламентирующего внутрисемейные отношения. Запрет, служа «структурным стержнем и содержательной основой нравоучительного рассказа, обладает почти безграничными порождающими способностями для построения целой серии однотипных нарративов»¹⁰, призванных на конкретных жизненных примерах подтвердить его актуальность. Базовая структура (**[запрет]**¹¹ – **нарушение запрета** –

¹⁰ Виноградова Л.Н. Социорегулятивная функция суеверных рассказов о нарушителях запретов и обычаев // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. Вып. 10. М.: Индрик, 2006. С. 215-216.

¹¹ С точки зрения традиционной теории фольклорных жанров сочетание запрета с подтверждающим его нарративом рассматривается как сочетание двух жанров – *поверья* и *былички*. Мы принимаем эту точку зрения в данной работе, несмотря на то, что вопрос о взаимоотношениях этих жанров активно обсуждается в современной исследовательской литературе (Виноградова Л.Н. Былички и демонологические поверья: границы фольклорного текста // Живая старина. 2004. № 1. С. 10-14; Иванова А.А. Поверье и быличка как жанровые стратегии сохранения и передачи мифологической информации // Традиционная культура. 2004. № 1. С. 70-74.; Левкиевская Е.Е. Прагматика...; Брилева И.С. Указ. соч.). Поскольку поверье в форме запрета и нарратив, его подтверждающий, могут существовать отдельно, паремийный элемент сюжетной структуры в приводимых ниже схемах отграничен от нарративного квадратными скобками.

наказание), являющаяся отражением архаического мировоззрения¹² служит основой для формирования различных сценариев развития сюжета. Мотив нарушения запрета на проклятие может разворачиваться по четырем сюжетным моделям:

1) [запрет] – наложение проклятия – реализация проклятия («А она: “Иди ты к чертовой матери!” **(наложение проклятия)** Ребенок ушел, она рада. Нету, нету. Искать пошли за три километра. В лесу сидел под кустиком уже неживой **(реализация проклятия)**. Лучше ударь, секани, чем чертакай! Это одному мука, а всем наука **[запрет]**» [АКФ 1987, Куйб., т. 23, № 22]);

2) [запрет] – наложение проклятия – реализация проклятия – действия, направленные на ликвидацию проклятия – неуспешная ликвидация («Вот, говорят, женщина разгорячилась и налешакала: “Понеси тебя леший!” Девку **(наложение проклятия)**. Ветер завыл, девка пропала **(реализация проклятия)**. Стали ее искать. Отец в лесной избушке что-то шорничал, заскакиват она. Двери отворились: “Тата, наложи крест!” **(действия, направленные на ликвидацию проклятия)**. А он расселся и все. Она раз! и все — нету. Он растерялся. Может, наложил бы крест по-быстрому, все. И так девка и пропала **(неуспешная ликвидация)**» [ЛАИ 1996, Пин., т. 3, № 148]);

3) [запрет] – наложение проклятия – реализация проклятия – действия, направленные на его ликвидацию – успешная ликвидация проклятия («Однажды мать прокляла дочь **(наложение проклятия)**. Она пропала и днем летать стала. Летит и кричит накриком **(реализация проклятия)**. <...> И влюбился в нее один парень. И решили они с мужиками ее сеткой поймать. Протянули сетку над всем лесом. Она в нее и угодила **(действия, направленные на ликвидацию проклятия)**. <...> Они ее в бане вымыли, надели молитвенный пояс, крест на шею, прочитали над ней молитву. И женился на ней этот парень **(успешная ликвидация проклятия)**» [МРПНП 2007, № 867]);

4) [запрет] – наложение проклятия – нейтрализация проклятия¹³ («Одна шибко

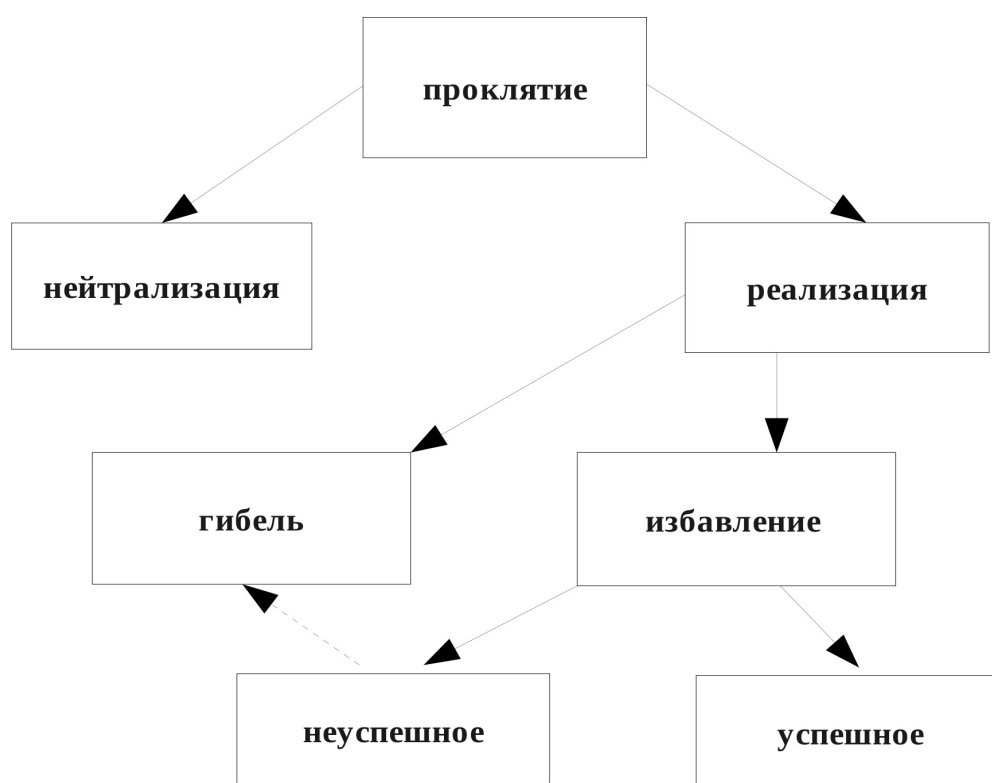
¹² «Смерть как неотвратимое наказание за нарушение запрета (такая детерминация наиболее типична для не знающего альтернативы архаического сознания: «нарушение табу — смерть») изображается в большинстве быличек» (Брилева И.С. Указ. соч. С. 53]. В случае с родительским проклятием наказание проклинающего осуществляется в опосредованной форме, поскольку последствия в полной мере ощущает ребенок и только через него – его родители.

¹³ Под нейтрализацией мы подразумеваем мгновенное обращение к «христианским» средствам защиты от нечистой силы (молитва, крестное знамение), которые блокируют возможность

кляла вечером детей: они у ней забаловались. Вдруг человек с бородой: “Отдай посулёное”. Видно, лешак (**наложение проклятия**). Она догадалась, икону схватила с божницы, а он ей и говорит: “А! Догадалась!” (**нейтрализация проклятия**)» [АКФ 1990, Луз., т. 38, № 212]).

Таким образом, тема «Проклятие» в устной мифологической традиции может быть представлена в виде пучка сюжетных схем, логически развивающих один и тот же исходный мотив нарушения запрета (рис. 1):

Рис. 1. Сценарии повествовательного развития мотива проклятия

Согласно статистическому анализу материала в жанре былички наиболее распространенным сценарием для нарративного воплощения темы «Проклятие» является «Успешная ликвидация проклятия» (171 вариант из 245).

В § 1.3. («**Мифологические сюжеты о родительском проклятии: базовые мотивы и их комбинаторика**») рассматриваются конкретные реализации выделенных инвариантных мотивов для трех сюжетов, реализующих тему родительского проклятия: **«Мифологический персонаж уводит проклятого** осуществления проклятия, соответственно отпадает необходимость и в дальнейшем развитии сюжета.

ребенка» (§ 1.3.1.), «Мифологический персонаж обменивает проклятого ребенка» (§ 1.3.2.); «Женитьба на проклятой девушке» (§ 1.3.3.), после чего регистрируются наиболее частотные варианты композиционного расположения мотивов для каждого сюжета (§ 1.3.4.). Для представления композиционных типов используются буквенные обозначения основных мотивов, реализующих тему «Проклятие»: А – «Наложение проклятия»; Б – «Реализация проклятия»; В – «Действия, направленные на ликвидацию проклятия»; Г – «Удачная/неудачная ликвидация проклятия».

С помощью статистического анализа выявляется преобладание трех- (АБВ, АБГ, БАВ, БВА, ВАБ) и четырехкомпонентных схем (АБВГ, АБГВ, БАВГ; БАГВ; ВАБГ) над двухкомпонентными (АБ; БА; ВА). Далее на примере многокомпонентных схем рассматриваются два основных типа композиционного построения рассказов о родительском проклятии: последовательный (события развиваются в хронологическом порядке) и обратный (мотив проклятия сдвинут в середину/конец повествования). Изменение логики следования мотивов, представленной в инвариантной структурной модели, не может быть объяснено, если исследование остается в рамках анализа текста как такового, поэтому в § 1.3.5. («*Прагматика текста как фактор текстообразования*») рассматриваются типичные ситуации исполнения быличек о родительском проклятии и их влияние на содержательные и структурные параметры текста.

Опрос информантов в условиях полевой практики показал, что для быличек о материнском проклятии наиболее характерны следующие ситуации исполнения.

1. *Ситуация бытового общения* относительно равных по статусу (возрасту, информированности и проч.) участников с целью увлекательного времяпрепровождения. Е.Е. Левкиевская¹⁴ называет такие коммуникативные условия «беседой». Для беседы характерно преобладание фатической функции над информативной. В ситуации беседы быличка состоит как минимум из двух частей: рассказа о необычном событии и «отгадки»-интерпретации, расположенных именно в такой последовательности. Повествование о событии позволяет собеседникам пережить эмоциональное напряжение при столкновении с неизвестным. Интерпретация же вводит необычное событие в круг других подобных явлений,

¹⁴ Левкиевская Е.Е. Указ. соч.

отчасти снимая его уникальность. «Событийная» часть текста относительно устойчива, а «интерпретационная», напротив, вариативна, поскольку ситуация беседы а priori предполагает высказывание нескольких точек зрения на случившееся.

2. *Ситуация обучения нормам поведения.* В случае коммуникации двух и более человек с разным статусом знания, приоритетной становится дидактическая функция. В отличие от «беседных» быличек, исполнение которых диктуется темой разговора и ассоциативным рядом участников, «дидактические» рассказы часто оказываются реакцией на неправильное поведение младшего из участников.

В ситуации обучения двухчастная структура «беседной» былички преобразуется в одночастную: «событие» и «интерпретацию» говорящий стремится передать одним блоком, поскольку нормы поведения оказываются важнее излагаемого события, которое может быть представлено в сокращенном виде. Повествования такого типа зачастую теряют присущую быличке конкретность места, времени, действующих лиц, превращаясь в условный и всеохватывающий пример: **«Один парничок... Матерь скляла его»** [АКФ 1990, Опар., т. 6, № 271].

3. *Ситуация ритуально обусловленная.* К таковой можно отнести исполнение быличек во время святочных собраний молодежи с целью обучения правильному гендерному поведению. Об этом обычае упоминают многие исследователи традиционного фольклора¹⁵. Ритуализированная беседа отличается от бытовой более четким распределением ролей между участниками коммуникации: они, как и в ситуации обучения, делятся на опытных и неопытных. Включение мифологических нарративов в контекст святочной обрядности часто сопровождается композиционной редуцией. Роль интерпретационной части понижается, что приводит к значительным подвижкам в содержании текста и оценке его достоверности информантами (последнюю Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов и Е.С. Новик¹⁶ квалифицировали как

¹⁵ Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила, СПб.: Тов-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903; Завойко Г.К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. 1914. № 3-4. С. 81-178.

¹⁶ Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С. Статус слова и понятие жанра в фольклоре // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994, С. 39-104. Цит. по: Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика [Электронный ресурс] / Центр типологии и семиотики фольклора ИВГИ РГГУ; рук. Неклюдов С.Ю. – Электрон. дан. – М., 2011. – [Режим доступа: www.ruthenia.ru/folklore/meletneklgrinc.htm](http://www.ruthenia.ru/folklore/meletneklgrinc.htm), свободный. – Загл. с экрана.

«нестрогую достоверность»).

Выяснению роли ритуального и игрового контекста в процессе сюжетосложения посвящен § 1.3.6. (**«Роль ритуальных и игровых практик в формировании мифологического сюжета»**).

В трех описанных ситуациях бытования быличек о проклятых представлены два возможных типа отношений текста с ритуальными и игровыми практиками: 1) текст и ритуал/игра – разные способы отображения внетекстовой действительности, 2) текст – органичная составляющая ритуального/игрового общения. В соответствии с этим нами были выделены былички *неритуализованные* (беседные и обучающие/дидактические) и *ритуализованные* (святочные).

В неритуализованной быличке коммуникативная установка рассказчика формируется сообразно бытовой ситуации общения; в ритуализованной она задается еще и традицией, регламентирующей эту ситуацию извне. Контекст ритуала актуализирует иной ассоциативный ряд для трактовки сюжета, ср.: а) (неритуализованная быличка о посещении бани в неуточное время) *«Здесь заспорил мужик с парнями, что никаких чертей нету: “Схожу на каменку и возьму любой камень”. Вот пришла полночь, и он пошел в баню. <...> Только протянул руку на каменку, и сели ему на плечи, только он не видал кто, и до самого своего дому родного на коленках полз»* [МРПНП 2007, № 253]; б) (ритуализованная быличка о посещении бани в период святок) *«В святки-ти ходят в баню ведь! А в 12-то часов нельзя ведь ходить в баню ведь! <...> Он пошел в баню-ту, его в бане-то захватила девка-то нага»* [АКФ 2008, Пин., т. 2, № 207].

В § 1.3.6.1. (**«Святочная тематика в быличке “Женитьба на проклятой девушке”**») на примере сюжета, происхождение и исполнение которого, на наш взгляд, было связано с периодом святок, более детально рассматриваются типы взаимоотношений текста, ритуальных и игровых практик.

Рассказы о святочных увеселениях образуют «рамку» сюжета, распространяя повествование за счет описаний типичных для этого времени ритуалов и обычаев (гадания, игры, споры). Поскольку в святочных гаданиях ключевой была тема скорого замужества, в ритуализованной быличке достаточно органично актуализировался еще один обрядовый контекст – свадебный, что дало возможность исполнителям вводить в

мифологический нарратив устные рассказы о разных моментах свадебного обряда – сватовстве, венчании и проч.

О том, как конкретно разнообразные обрядовые контексты повлияли на структуру сюжета, идет речь в § 1.3.6.2. (**«Композиционное построение святочной версии былички “Женитьба на проклятой девушке”»**).

Святочная версия сюжета «Женитьба на проклятой девушке» создана на основе базовой схемы сюжета о проклятом ребенке (А+Б+В+Г) путем присоединения к нему сюжета об обретении невесты (Св+Бр)¹⁷; при этом мифологическая составляющая обыкновенно поглощается брачной. Поскольку брак (и обязательное в его составе венчание) воспринимается носителями традиционной культуры как ритуал, избавляющий от проклятия, он делает избыточным использование иных способов выручения проклятого (надевание креста, одежды и т.п.). С этим связана неизбежная редукция базовой схемы и тенденция к формированию текстов с обратной композицией (24 варианта из 33). В результате подобных трансформаций мифологическая составляющая может вообще исчезнуть из повествования. Таким образом, можно говорить о том, что включение былички в святочный контекст структурно переорганизует ее.

В § 1.3.6.3. (**«Святочный контекст и художественный мир былички (на примере сюжета “Женитьба на проклятой девушке”»**)») анализируется влияние святочного контекста на такие параметры текста как художественное время и система персонажей.

Время в «святочной» быличке является стержнем повествования, вписывая его в определенные традицией жизненные и календарные циклы: герой знакомится с невестой во время святочных игр («Рождеством, на Новый год собрались в избу, и стал спорить он (хозяин бани. – Соб.) с другими» [Иванова 1996 (1), № 298]); свадьбу играет в зимний мясоед («После Крещения пойдём – я с тобой пойду!» [Соколовы 1999, 168]); поездка к родителям жены приурочена к послесвадебным гостинам («Вроде Рожество тако или Крещенье там <...> Едут все молодые, едут в гости» [ФА АГ СПбГУ; 99-08-09, № 108]) или масленичным гуляньям («Вот на масленку все молодые едут к теще на блины» [РСЗ 1989, № 158]).

¹⁷ Сватовство + Брак.

Под влиянием брачной тематики, актуализируемой святочным контекстом, система персонажей перестраивается в качественном и количественном отношении. Общеизвестно, что для свадьбы важна представленность рода. Становясь элементом содержательной структуры мифологического текста, эта установка приводит к введению в повествование персонажей второго плана: родителей жениха, невесты, священника, крестной, других свадебных чинов.

Если в быличках о проклятом/обменном ребенке главными действующими лицами являются мать и ребенок, с одной стороны, и противостоящий им мифологический персонаж, с другой, то в сюжете «Женитьба на проклятой девушке» представлено два главных персонажа: парень (герой святочного рассказа, жених) и девушка (героиня былички о проклятии, невеста). Роль мифологического персонажа переадресована героине, образ которой варьируется в зависимости от того, мифологическая или брачная составляющая в нем преобладает. В вариантах, ориентированных на свадебную тематику, она сразу выступает как потенциальный брачный партнер: *«Видит: показывается с подполу девушка, красавица»* [Чернышев 2004, 18-19]. Исчезновение мифологической составляющей может привести к тому, что в быличку начинают проникать выразительные средства, свойственные другим жанрам, в частности – волшебной сказке, в которой добывание невесты из иного мира является главной целью героя. Распространение былички за счет привлечения элементов сказочной поэтики отражается на ее восприятии носителями традиции: *«Это, думаешь, правда? Я думаю это сказки, ну где это может черт принести ребенка, да сделать это все. Конечно, сказки. Это же не может быть правда»* [ФА АГ СПбГУ; 99-08-56; № 56]. Словом «сказка» информанты часто называют неритуализованные былички; для номинации ритуализованных мифологических нарративов используется другая терминология: *«Раньше родители в страшные вечера страшные былинки рассказывали <...> Вот так. Бувальщинка»* [АКФ 1989, Луз., т. 7, № 420].

Разрыв сюжета с обрядовым контекстом может привести к изменению жанровой природы текста и формированию версий, уже непосредственно соотносимых со сказочной прозой.

В итоге в рамках жанра былички мы выделяем три жанровые реализации,

формирование которых обуславливается и поддерживается разнообразием контекстов их употребления:

- неритуализованная быличка (беседная и дидактическая);
- ритуализованная быличка (святочная);
- деритуализованная быличка (быличка-сказка¹⁸).

Они перечислены нами в порядке их «удаления» от ядра жанра к периферии – зоне активного взаимодействия мифологической прозы со сказочной.

Во **второй** главе («Сказочная проза о детях, отданных нечистой силе») на примере сюжетов СУС 313, 532 выявляются возможные жанровые реализации в рамках сказочной прозы.

В волшебных сказках вручение ребенка нечистой силе реализуется посредством темы «Запродажа»¹⁹ (термин предложен В.Я. Проппом в монографии «Исторические корни волшебной сказки»). В § 2.1. («**Структура темы “Запродажа” в волшебной сказке**») описываются основные структурные элементы темы (действие, субъект, объект, адресат²⁰, обстоятельства действия). Сравнение их со структурными компонентами темы «Проклятие», описанными в 1 главе, показало, что при всех отличиях (запродажа представляет собой более сложное действие, нежели проклятие, протекающее в два этапа – встреча с представителем нечистого мира и заключение с ним обманного договора; в быличке уход ребенка в иной мир совершается сразу после наложения проклятия, в сказке физическое перемещение героя в «иной» мир обыкновенно откладывается до достижения совершеннолетия; в мифологическом нарративе пол проклятого ребенка не является релевантным признаком²¹, в сказочном – всегда запродаются мальчик и т.д.) обстоятельства совершения запродажи вполне

¹⁸ Это словосочетание мы используем для обозначения жанровой реализации, совмещающей признаки двух жанров. Ср. со сходными именованями у Ю.М. Шеваренковой – «легенда-быличка», «легенда-предание»: «Совмещение в названии <...> сразу двух жанров означает попытку описать выделенную разновидность через особенности поэтики и сюжетной организации предания и былички» (Шеваренкова Ю.М. Исследования в области русской фольклорной легенды. Нижний Новгород, 2004. С. 22).

¹⁹ Общая схема ее построения такова: чтобы устранить беду, в которую он попал, родитель героя должен отдать представителю иного мира то, что не знает дома.

²⁰ В первой главе, описывая ситуацию проклятия, для обозначения представителя нечистого мира мы использовали термин «истинный адресат» (тогда как формально адресатом являлся прокливаемый); в ситуации запродажи этот термин представляется излишним, поскольку продаваемый ребенок в коммуникации не участвует.

²¹ Исключение составляет сюжет «Женитьба на проклятой девушке».

сопоставимы с обстоятельствами наложения невольного проклятия: в обоих случаях появление нечистой силы является нежелательным и в значительной мере провоцируется неправильным поведением родителя. Косвенным подтверждением сказанному служит тот факт, что в отдельных вариантах проклятие и запродажа взаимозаменяются или соединяются: *«Одна шибко кляла вечером детей: они у ней забаловались. Вдруг человек с бородой: “Отдай посулёное”. Видно, лешак»* [АКФ 1990, Луз., т. 38, № 212].

В § 2.2. (**«Структура мотива “Запродажа” и возможности его повествовательного развития в составе волшебной сказки»**) мотив «Запродажа» рассматривается как основа для формирования различных нарративных сценариев. Запрет, нарушение которого приводит к запродаже, в сказках часто остается за рамками текста, однако его можно реконструировать на основании актуальной мифологической прозы: *«...купец, не перекрестившись, стал пить прямо из озера нападкой»* [Смирнов 2003, № 281] (ср.: *«Если к озеру или пруду подойдешь некрещеный, то русалка утаскивала за собой»* [МРПНП 2007, № 431]). С учетом этого структурная схема сюжета может быть представлена следующим образом:

**([запрет] – нарушение) – беда 1 – действие 1 – ликвидация беды 1 –
действие 2 – беда 2,**

где «действие 2» и «беда 2» – заключение обманного договора и вынужденная необходимость отдать сына соответственно.

В рамках мифологической прозы эта схема могла иметь четыре сценария развития событий (см. их перечень в § 1.2.). В волшебной сказке реализация трех из них («наказание», «неуспешная ликвидация» и «нейтрализация») невозможна, поскольку это противоречит ее структурному и этико-эстетическому канону: обязательности путешествия героя в иное царство и неизбежности счастливого конца. Таким образом, для волшебной сказки наиболее вероятным оказывается сценарий повествовательного развития мотива «Запродажа», обозначенный нами как «реализация» (та его разновидность, в которой запродаанный не гибнет, а уходит в «иной» мир, пребывает там некоторое время, а затем благополучно возвращается).

§ 2.3. (**«Сюжеты волшебных сказок о детях, отданных нечистой силе: состав мотивов и их комбинаторика»**) посвящен описанию двух сказочных

сюжетов, в которых объектом запродажи является сын: «Чудесное бегство» – СУС 313 (§ 2.3.1.) и «Незнайка» – СУС № 532 (§ 2.3.2.). Для первого мотив «Запродажа» является обязательным элементом сюжета, для второго — окказиональным. Поскольку оба сюжета представлены контаминированными версиями, для их описания нами была введена дополнительная единица структурного членения – *сюжетный блок*, что позволяет ограничить поле исследования лишь теми отрезками сюжета, которые связаны с темой вручения ребенка нечистой силе. В итоге сюжет СУС 313 оказался представлен сюжетными блоками «Орел-царевич» и «Чудесное бегство», а сюжет СУС 532 – «Запродажа» и «Незнайка». Мотивный состав сюжетных блоков был описан в соответствии со схемой, предложенной В.Я. Проппом²². Для каждого из сюжетных блоков фиксировались минимальный и максимальный набор структурообразующих мотивов.

В § 2.3.4. («ЭС²³ “Запродажа” в сюжете волшебной сказки: структурный и функциональный аспекты») на примере сюжета «Чудесное бегство» (СУС 313) рассматриваются изменения, происходящие в структуре мифологического ЭС «Запродажа» при встраивании его в классическую волшебную сказку. В зависимости от степени его автономности выделяются следующие способы соединения: поглощение (все мотивы ЭС заменены сказочными мотивами), наложение, последовательное соединение. Далее на примере сюжета «Незнайка» (СУС 532), в котором ЭС «Запродажа» появляется окказионально, помимо регулярных (поглощение, наложение) рассматриваются альтернативные возможности присоединения этого структурного элемента: встраивание (усечению подвергается не ЭС, а сказка: мотив ухода героя заменяется мифологическим мотивом увода ребенка новым хозяином) и монтаж (ЭС «Запродажа» заменяется ЭС «Проклятие», на основе

²² Пропп В.Я. Морфология. Исторические корни волшебной сказки // Собрание трудов В.Я. Проппа. / Коммент. Е.М. Мелетинского, А.В. Рафаевой. Сост., науч. ред., текст. коммент. И.В. Пешкова. М.: Лабиринт, 1998.

²³ ЭС – элементарный сюжет. Исследуя литовскую прозу, Б.П. Кербелите отметила, что волшебные сказки состоят из «простых сюжетов, способных образовать различные комбинации и быть основой самостоятельных произведений, в которых изображается одно столкновение двух персонажей (или столкновение персонажа с объективной закономерностью, силой и т. п.) при достижении одной цели; в результате меняется или сохраняется некая начальная ситуация. <...> представление о простейших сюжетах <...> можно получить на основе изучения преданий, мифологических и этиологических сказаний, а также многих сказок о животных» ([Кербелите Б.П. Историческое развитие структур и семантики сказок. Вильнюс: Вага, 1991. С. 24](#)).

которого может формироваться отдельная сказка, в которой мифологический сюжет о проклятом ребенке соединяется со сказочным бегством при помощи волшебного помощника).

Проделанная работа приводит к следующим выводам: мифологический ЭС «Запродажа» в структуре волшебной сказки, с одной стороны, утрачивает ряд изначально присущих ему жанровых признаков и возможностей сценарного развития, с другой – приобретает функции, определяемые сказочной логикой. ЭС сохраняет некоторую структурную автономность, что не влияет на жанровый статус текста, но может вызвать проникновение в него мифологических мотивов. Автономность ЭС сильнее проявляется при расположении его в начале сказки. В окказиональных версиях мотивы «Запродажа» и «Проклятие» оказываются менее интегрированными в структуру сказки и тяготеют к реализации в форме мифологического нарратива.

В § 2.4. (*«Прагматика волшебной сказки как фактор текстообразования»*) анализируются типичные для сказки ситуации исполнения и их роль в процессе текстообразования.

§ 2.4.1. (*«Типология ситуаций исполнения сказок»*). Различные формы контекстуального окружения сказочной прозы не являлись специальным предметом научной рефлексии в течение многих лет. Однако в уже ставших классическими сборниках можно найти отдельные замечания, касающиеся условий бытования сказок. Анализ такого рода сведений позволил нам описать типичные коммуникативные ситуации с таких позиций как временные (рабочее время/досуг, праздники) и пространственные (дом и пространство около него/дорога/места временного пребывания людей) характеристики, типы адресатов (взрослые/молодежь/дети) и адресантов (взрослые мужчины/женщины) Данные сведения по возможности дополнялись информацией, полученной в ходе полевых изысканий. По совокупности они позволили выделить три типа ситуаций исполнения в зависимости от состава участников коммуникации:

1. рассказывание сказок взрослыми для взрослой аудитории;
2. рассказывание сказок взрослыми для молодежной аудитории;
3. рассказывание сказок взрослыми детям.

Поскольку относительно ситуации рассказывания сказок на молодежных

посиделках имеющих свидетельств недостаточно для подробного описания, исследование ограничено рассмотрением и сравнением двух ситуаций – «взрослой» и «детской».

§ 2.4.2. («**“Взрослая” волшебная сказка**») «Взрослой» мы называем сказку, рассказывавшуюся взрослыми сказочниками в мужских, женских и смешанных аудиториях с целью приятно провести время, отвлечься от тяжелой работы и т.п. Подобная функциональная нагруженность сказочной прозы определяется исследователями как эстетическая. Реализуется она через особую художественную форму – сказочный канон (сказочную «обрядность»). В результате анализа фрагментов интервью было выявлено несколько признаков сказочного канона, регулярно упоминаемых информантами.

1. *Отграниченность от бытовой речи.* Вхождение участников коммуникации в зону правил и выход из нее часто маркируется на текстовом уровне («*Вот я вам какую сказку. <...> Интересная сказочка?*» [АКФ 1985, Куйб., т. 4, № 1]) и дополнительно подчеркивается обрамляющими формулами, обозначающими начало и конец сказки. Вхождение в особую зону коммуникации может маркироваться и невербально – через собирание слушателей в определенном месте, в определенное время, рассаживание по местам и т.п.

2. *Целостность.* Под этим свойством подразумевается необходимость рассказывать сказку от начала и до конца; при этом вмешательство слушателей в исполнительский процесс, как правило, оценивается негативно и даже может привести к конфликтным ситуациям. Нам представляется возможным связать этот признак сказочного канона с отголосками магической функции волшебной сказки.

3. *Длительность* можно назвать самым ярким признаком волшебной сказки. Обеспечивалась она не только и не столько сюжетом, сколько особыми стилевыми приемами: «*Я тут говорю содержание только, – добавил он, – да и того не помню, а начнут ведь сказывать, да из слова десять сделают, и весь вечер одну сказку!*» [Балашов 1970, 19].

§ 2.4.3. («**“Детская” волшебная сказка**»). Под «детской» мы разумеем волшебную сказку, рассказываемую взрослым сказочником детям. Многие исследователи отмечали ее меньшую *длительность* в сравнении со «взрослой».

Отсутствие у детей интереса к долгой сказке связано с тем, что детская аудитория отличительным признаком сказки считает не красоту повествования, а испытываемый во время слушания страх («*Она рассказывает, а мы спим на полотах на печке. Нам страшно делалось. <...> Какой-то страх был. Такая сказка*» [ЛАИ 1999, Пин., т. 1, № 126]). Таким образом, в детской сказке доминирующей была фатическая функция. Эмоциональную реакцию слушателя-ребенка усиливало сближение с главным героем за счет совпадения половых, возрастных и прочих характеристик (имя, биография и проч.).

На примере сюжета «Незнайка» (СУС 532) рассматриваются изменения, которые вызваны выдвиганием на первый план героя-ребенка. Если в «классической» версии сюжета герой запродаётся ребенком, а в дальнейших событиях он принимает участие уже взрослым, то в «детской» версии момент его взросления отодвигается: герой либо отправляется в путь будучи ребенком, выполняет задания антагониста, добывает невесту и возвращается домой (в этом случае брак оказывается за пределами сказочного повествования), либо взрослеет, находясь в ином мире (что нарушает жанрово-стилевые каноны волшебной сказки).

Внимание к герою-ребенку изменяет и соотношение сюжетных блоков в масштабах сказки: сюжетный блок «Запродажа», описывающий предысторию героя и его предварительные испытания, в «детской» сказке становится более значимым, что выражается в его распространении²⁴. Нарращивание объема происходит за счет усложнения структуры посредством приема утроения, ввода диалогов и мотивов, позаимствованных из других сказочных и мифологических сюжетов. Возможность проникновения в «детскую» сказку мифологических мотивов мы связываем с выдвиганием на первый план фатической функции. Чувство страха сближает «детскую» волшебную сказку с мифологическим рассказом. Подобное взаимодействие может порождать окказиональные версии, балансирующие на грани между сказкой и быличкой. Таким образом, «детская» сказка может выступать в роли связующего звена между волшебной сказкой и мифологическим нарративом.

²⁴ О значимости испытания в структуре детской волшебной сказки пишет и Г.В. Власова: «...испытание является основной функцией этой группы сказок, его место и характер имеют специфические особенности и обусловлены детской природой» (Власова Г.И. Детская волшебная сказка в современных записях (традиционная поэтика). Автореф. дисс... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1990. С. 6).

В **Заключении** представлены основные выводы, полученные в ходе диссертационного исследования, и намечаются перспективы дальнейшей работы.

Рассмотрев сюжетный состав быличек и волшебных сказок о детях, отданных родителями нечистой силе, описав типичные ситуации их воспроизведения в живой традиции, проанализировав связь «внешних» по отношению к тексту факторов с его «внутренними» характеристиками, мы смогли выделить в каждом жанре несколько типов текстопорождающих моделей (жанровых реализаций). Сведя их в единую таксономическую таблицу, в которой сверху вниз и от краев к центру они расположились по мере их движения от «ядра» жанра к его «периферии», мы получили цепочку возможных фаз жанровых перевоплощений темы:

Рис. 2. Таксономическая шкала мифологических и сказочных жанровых реализаций темы о детях, отданных нечистой силе.

<i>Быличка</i>	<i>Быличка</i>	<i>Волшебная сказка</i>	<i>Волшебная сказка</i>
«Ядро»	«Периферия»	«Периферия»	«Ядро»
неритуализованная быличка: а) беседная; б) дидактическая			«взрослая» волшебная сказка
ритуализованная быличка (святочная)			«детская» волшебная сказка
	деритуализованная быличка (быличка-сказка)	сказка-быличка	

В итоге жанры былички и волшебной сказки предстали как структурно сложные и одновременно динамичные, образования. Нами были выявлены следующие параметры коммуникативной ситуации, влияющие на текстообразование:

возраст слушателей (взрослые/молодежь/дети), время исполнения (в основном календарное). В мифологической прозе изменение первого из них приводит к смене функциональной направленности текста: фатическая функция совмещается с дидактической или ритуальной, что влияет на композиционное построение (диалогическая форма сменяется монологической). Изменение времени исполнения былички с будничного на праздничное может спровоцировать включение ее в обрядовый контекст: гибкая структура былички достраивается и усложняется за счет привлечения дополнительных мотивов, сам текст приобретает изначально несвойственные ему трактовки, обусловленные новым контекстуальным окружением.

Что касается волшебной сказочной прозы, то изменение вышеназванных параметров коммуникативной ситуации влечет за собой изменение содержательных характеристик текста, именуемых сказочным каноном. В рамках «детского» сказочного канона возможна дальнейшая функциональная переориентация текста, определяющая структурные изменения сказки. При этом важно отметить, что эти изменения не являются сигналами разрушения жанра. Благодаря этой пластичности они оказались способными не только длительное время удерживаться в живой традиции, но при определенных обстоятельствах реактуализироваться в ней.

Проблематика работы может иметь перспективу развития в нескольких направлениях. Во-первых, за счет расширения объектного поля путем подключения других прозаических жанров, реализующих тему «Вручение ребенка нечистой силе» (легенда, бывальщина, бытовая сказка), иных контекстов их исполнения (религиозного, социального и др.), а также текстов прочих тематических групп, так или иначе пересекающихся с ней. Во-вторых, представленная в диссертации таксономическая цепочка жанровых реализаций, последовательно представляющая возможные фазы трансформации былички и волшебной сказки, позволяет переводить исследование с синхронного уровня на диахронный и открывает новые возможности в решении проблем их генезиса и исторической эволюции. В-третьих, расширение текстовой базы путем привлечения иноэтнических традиций дает возможность представить тему «Вручение ребенка нечистой силе» в конкретно-исторических и национальных проекциях.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Работа, опубликованная в журнале, входящем в перечень ВАК:

1. Соловьёва Я.Ю. Сюжетные версии былички о проклятых людях (к проблеме вариативности фольклорной традиции) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2009. – № 4 (2). – С. 148–156.

Публикации в других изданиях:

2. Соловьёва Я.Ю. К проблеме жанровых границ в устной народной прозе: трансформация мифологических нарративов в сказочные // Актуальные проблемы полевой фольклористики: Сборник научных трудов. – Сыктывкар, 2008. – Вып. 4. – С. 24–27.

3. Соловьёва Я.Ю. Сюжет «Женитьба на проклятой девушке» и его современные жанровые реализации // Миф — фольклор — литература. Памяти И.В. Зырянова: межвуз. сб. статей по материалам научного семинара (25-26 февраля 2008 г.) / Под ред. Н.А. Петровой, Л.В. Туневой; Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2008. – С. 69–79.

4. Соловьёва Я.Ю. Сюжет «Женитьба на проклятой девушке/девушке из бани» (СУС 813 А) в контексте святочной обрядности (к проблеме жанровой эволюции фольклорной традиции) // Материалы XVI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». – М.: 2009. – С. 378–380.

5. Соловьёва Я.Ю. Былички о материнском проклятии: жанровые реализации в живой традиции // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2010» / Отв. ред. И.А. Алешковский, П.Н. Костылев, А.И. Андреев, А.В. Андриянов. [Электронный ресурс] — М.: 2010.